

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ конца XIX-начала XX века

Избранные произведения

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РЕСПУБЛИКА»
1994

К ЧИТАТЕЛЮ

Россия на рубеже XIX—XX веков... Общество, особенно его интеллектуальная элита, живет в нетерпеливом ожидании перемен: недовольство существующими структурами власти, косной системой общественных отношений соседствует с надеждой на то, что новое столетие принесет с собой лучшее, справедливое устройство жизни.

Социально-экономическая мысль, будучи одновременно индикатором и катализатором общественных процессов, воплотила эти настроения в многочисленных концепциях социализма как идеала будущего общества — политического и экономического, этического и социального.

Представители революционных и умеренно-радикальных общественных течений России чутко уловили тенденцию развития мировой цивилизации и, творчески переосмысливая прогрессивные социально-экономические доктрины Запада, с энтузиазмом принялись конструировать модели будущего гармоничного общественного устройства, искать пути перехода к нему. Так что на рубеже XIX—XX веков Россия не имела недостатка в проектах идеального общества.

Но, уважаемый читатель, много ли мы сегодня знаем о богатстве теоретических разработок идеи социализма накануне октябрьских событий 1917 г.? Наверняка не будет преувеличением сказать, что представления основного числа наших современников ограничиваются скудными познаниями о доктрине большевиков. Скудными — не только потому, что публичные обсуждения, пропаганда внутрипартийных дискуссий, даже имевших чисто теоретический характер, никогда не поощрялись, а в послеленинский период были просто опасными. Но главным образом потому, что основные усилия большевиков были направлены на разработку стратегии и тактики борьбы за власть, а не на создание концепции будущего России. Исключение составляет, пожалуй, исследование этого вопроса в работе «Государство и революция» В. И. Ленина, уже подведенного самим ходом событий к необходимости брать власть и практически строить это самое будущее. Интереснейшие же предвоенные работы Базарова, Луначарского, Богданова появились для большевиков «не вовремя» и были отринуты партией как отвлекавшие от практической борьбы за массы. Именно эта тактическая заостренность и высокая организованность большевиков, отвергавших как интеллигентскую рефлексивность единожды разрешенные вопросы «что» и «зачем» ради практической задачи «как», и помогла им в конечном счете оседлать стихийное движение не читавших научных трактатов революционных масс России.

Но идея социализма — не кабинетная выдумка, ее нельзя приписать определенному политическому или теоретическому течению (а ведь именно так и случилось в нашей стране). Эта идея имеет корни в интересах множества людей, нуждающихся в солидарности окружающих, гарантированной поддержке со стороны общества, — словом, во всем том, что часто называют социальной справедливостью. Идеальный источник социализма — в мировоззрении значительного числа людей, стремящихся к тому, чтобы общественные, в том числе экономические, отношения строились на справедливой основе. Это не обязательно бедные (хотя чаще, чем богатые), не обязательно трудящиеся по найму (хотя чаще, чем предприниматели и рантье). Поэтому идею социализма едва ли правомерно закреплять за определенным классом. Любое такое закрепление — политическое, теоретическое, социальное — неизбежно обедняет и искажает эту идею.

Ныне истек срок, отмеренный историей для социального эксперимента, предпринятого в России. Важно, однако, чтобы присущая любому переломному периоду энергия отрицания старого не привела бы к забвению, к отторжению социалистической идеи вообще. Иначе последняя, накапливаясь «под спудом», явится в ином обличье, под другим именем — и кто поручится, что это обличье будет гуманистическим...

* * *

В массе российских теоретиков, исходивших из гипотезы социализма как конечной цели общественного развития, особое место занимают *народники*. Их исторической миссией можно считать ознакомление российской общественности с идеями марксизма. Зародившееся на русской почве и ставившее во главу угла необходимость развития социалистического потенциала общинно-артельных («народных») форм производства, народничество по мере своего развития осуществило своеобразный теоретический синтез ортодоксального марксизма с субъективистскими этическими концепциями движущих сил общественного прогресса.

Нечто похожее, но на основе критического переосмысления марксовской политической экономии и ее сопоставления с маржиналистскими экономическими теориями Запада, осуществил в своем творчестве крупный социалист *Михаил Туган-Барановский*. В своих научных работах (долго считавшихся еретическими, антинаучными и вообще созданными по заказу буржуазии) этот выдающийся ученый проповедовал идеи гуманного, демократического общества, высшей ценностью которого назван сам человек! Историческая трагедия Тугана, его обреченность на одиночество как в революционном, так и в либеральном лагерях своего времени оказались предопределены как раз тем, что

он слишком опередил время.

Вообще творческий подход, критическое переосмысление марксизма было общей традицией в социально-экономической мысли России на рубеже веков. Принимая марксово исследование за исходный пункт для дальнейших теоретических построений, российские мыслители создавали собственные концепции, порой невероятно далекие не только от ортодоксального марксизма, но и друг от друга. Так, *Петр Струве*, начав с критики отдельных положений марксово теории, неверных, с его точки зрения, предпосылок анализа, пришел к полному отрицанию социализма вообще. *Сергей Булгаков* и *Николай Бердяев* строили на руинах своих социал-демократических взглядов мистический град, поверя алгебру хозяйственной жизни общества высшей гармонией человеческого духа и Божьего промысла.

Особняком стоит российский *анархизм* — наиболее разнородная и пестрая ветвь этого распространенного во всем мире течения. Если пойти в знакомстве с ним несколько дальше фундаментальной фигуры Петра Кропоткина, то можно увидеть не только самые различные представления о будущем обществе (в трактовке которого анархисты не так далеко отстояли от социалистов, как это порой представляется), но и серьезную критику будущих извращений «государственного социализма»: бюрократизма, социального неравенства, ограничения личной свободы и т. п.

Наследие российских сторонников и критиков социализма представляет большой интерес отнюдь не только как теоретическая историческая альтернатива большевизму. Большевики пришли к власти с не слишком богатым теоретическим арсеналом представлений о том, что делать, как строить социалистическое общество и социалистическое хозяйство в огромной крестьянской стране. В этих условиях ими на практике стали использоваться элементы народнических и анархистских концепций и идей — разумеется, под прикрытием идеологии революционного марксизма. Так, народническое влияние явственно сказалось в том грубом, «общинном» коллективизме, который очень скоро стал определяющей чертой советского общества; а «махаевское» (пренебрежительное) отношение к образованным классам преобразовалось в государстве победившего пролетариата в политику систематического подавления «буржуазных спецов». Речь не идет о том, чтобы переложить вину за «извращения» социалистической идеи на плечи главных ленинских оппонентов. Суть в другом. Российская революция была движением самых широких масс, а представители неонароднических партий и анархистских групп просто более чутко улавливали их действительные настроения, нежели ортодоксальные марксисты. Вырвавшись на поверхность общественной жизни,

такие настроения превратили идеологию перераспределения в государственную политику.

Стихийное пополнение практического арсенала большевиков за счет немарксистских или по крайней мере не социал-демократических теорий еще ждет внимательного исследования со стороны историков общественной мысли. Задача данной книги несравненно более скромна: не в пересказе, а по первоисточникам познакомить читателей со взглядами на *экономический и социальный строй* будущего общества — каким он виделся второму поколению теоретиков народнического движения В. Воронцову, М. Гоцу, В. Чернову, Л. Шишко, А. Пешехонову; анархистам П. Кропоткину, А. Боровому, В. Новомирскому, А. Вольскому (Я.-В. Махайскому) и др., а также мыслителям, которые ушли от марксизма к совершенно иным и очень различным между собой системам взглядов на общество и человека — М. Туган-Барановскому, П. Струве, Н. Бердяеву и С. Булгакову. В этой заочной полемике современный читатель сумеет различить многое, объясняющее наш сегодняшний день и перекликающееся с его проблемами.

Книга состоит из четырех разделов, посвященных четырем значительным направлениям российской общественно-экономической мысли конца XIX — начала XX в. Это народничество, от его либеральных представителей до социалистов-революционеров и народных социалистов; так называемый «легальный марксизм» Струве и Туган-Барановского; социальный идеализм (или «христианский социализм») Николая Бердяева и Сергея Булгакова, пришедших к религиозно-этическому обоснованию социального идеала, и, наконец, анархизм, получивший на русской почве причудливо разнообразные формы и представленный добрым десятком течений.

Подавляющее большинство работ дано с сокращениями; некоторые только в отрывках. Тем не менее нам кажется, что выбранные тексты достаточно полно отражают ту духовную атмосферу, в которой Россия вступала в эпоху революционных потрясений. С одной стороны — огромное богатство общественной мысли социалистического направления, «настроенность» прогрессивной интеллигенции на социалистический идеал. С другой — обостренная страсть к полемике, удивительная взаимная нетерпимость представителей различных течений. Если не об «исследователях-одиночках» (Струве, Бердяеве, Булгакове, Туган-Барановском), то о многочисленных представителях политических течений — народниках и социал-демократах, анархистах разных направлений — со всей ответственностью можно сказать, что никто из дискутирующих не был настроен на диалог; мало кто серьезно стремился к поиску истины — последняя казалась давно найденной, и задача виделась лишь в том, чтобы завоевать ей новых приверженцев. Объективная, «профессорская» наука 1870—1880-х гг. отжила свой век, и

пропагандистский пафос в полемике все больше вытеснял академические выкладки. Сегодня мы уже и на собственном опыте убедились в том, что серьезное повышение общественной температуры, если оно продолжительно, всегда отражается на состоянии социальных наук, разводя их представителей «по фронтам и по партиям».

В таких обстоятельствах социальные науки оказываются фатально не способны реализовать свою миссию — найти пути и способы общественных преобразований. Для того чтобы идти впереди, предвидеть и предсказывать события, исследователи общества обязаны сохранять некоторую дистанцию от актуальных интересов образующих его классов и социальных групп; в противном случае они неизбежно попадают в обоз, на роль «научных обоснователей» принимающихся без них решений, развивающихся помимо них событий.

Сегодня, находясь на расстоянии нескольких поколений от идейных баталий того времени, мы не можем и не должны отвергать накопленный теоретический опыт, в какие бы идеологические цвета он ни был окрашен. Но если мы хотим извлечь практические уроки из минувшего, то необходимо помнить:

никто не обладает монополией на истину. Каждый исследователь видит лишь часть социального организма и не видит его целиком: истина многогранна и плюралистична;

социализм не является ни идеалом, ни жупелом. Он существует как одно из направлений общественного развития. Критика социализма не может стать препятствием для проявления социалистической тенденции, но может помочь, точнее, понять опасности, связанные с попытками ликвидации ее «противовесов» в виде частной собственности и гарантированных обществом прав каждого *отдельного* человека;

исследователь, предметом изучения которого является общество, не может избежать субъективных пристрастий, поскольку сам он — действующее лицо современных ему событий. Все, что он может (и должен) делать, — сознавать двойственность своего положения и не усугублять его заранее даваемой присягой на верность определенным интересам и идеям.

Я. И. Кузьминов

Раздел первый

НАРОДНИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РАЗДЕЛУ

Общепризнано, что расцвет российского народничества пришелся на 70-е — начало 80-х гг. прошлого века и был связан с деятельностью его основоположников: М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова и П. Н. Ткачева. С легкой руки Г. В. Плеханова (первого марксистского оппонента народников) пошло укоренившееся в отечественной да и мировой историографии выделение трех знаменитых течений в революционном народничестве — «бакунизма», «лавризма» и «ткачевизма» с его крайней формой «нечаевщиной».

Значительно менее известны теоретические представления так называемых либеральных народников (конец XIX — первые годы XX столетия). Чаще всего их взгляды рассматривались как ренегатство, сдача позиций, приспособление к властям предрержащим. И уже совсем мало изучены взгляды теоретиков социалистов-революционеров и народных социалистов — так называемых неонароднических партий, действовавших в России с 1905 г.

Причины подобного перекаса в исторических знаниях — двоякого рода. С одной стороны, это результат элементарного замалчивания или искажения позиций социалистических оппонентов победившей большевистской партии. Там, где большевики могли выступать в роли наследников, например революционного народничества 70 — начала 80-х гг., советская историческая наука стремилась детально описать соответствующие теоретические воззрения: в иных случаях взгляды оппонентов рассматривались тенденциозно. С другой стороны, — подчеркнутое выделение революционной, ниспровергательной тенденции в социализме как единственно последовательной. Поскольку народничество в своем длительном пути то вписывалось, то не вписывалось в революционные рамки, подобная тактическая переменчивость воспринималась как идейный эклектизм.

В действительности народническое движение обладало весьма последовательной теоретической концепцией, сохранявшей свое «твердое ядро» на протяжении всей его истории. Пусть у народников и не существовало «священных текстов», как у их собратьев-соперников — марксистов, а в силу этого и жесткого критерия верности

«букве» теории, тем не менее, у них были признанные авторитеты, такие, как Петр Лавров и Николай Михайловский, по сочинениям которых можно было «свериться с классикой». В общем виде концепция народников представлена следующими основными положениями:

1. Признание исторического, изменчивого характера экономических и социальных систем и их институтов; деление обществ на справедливые и антагонистические; стремление повлиять на развитие общества, смягчая и уничтожая присущие ему антагонизмы. Все это, безусловно, роднит народничество с марксизмом. Последний сильно повлиял на формирование народнической идеологии. Можно даже сказать, что российское народничество было «отраженным светом» марксистского социализма в Европе, определенной адаптацией его идей к отечественной действительности. Отличительная черта народнической позиции в этом вопросе — сильный акцент на возможность «перепрыгнуть» капиталистическую стадию развития, избежав её тягот и несчастий для трудящегося населения. Если ортодоксальный марксизм *допускал* такую возможность для России (как и для других отставших от Западной Европы стран), то народники *строили* на ней всю свою аргументацию.

2. В отличие от марксистской традиции выделение, как правило, только двух элементов социальной структуры: материального и сознательного (идеологического). Данные элементы рассматривались как взаимообусловленные и практически равнозначные. Носителем созидательного начала в материальной сфере признавался так называемый рабочий класс (в него включались все трудящиеся — от пролетариата до крестьян и ремесленников), в сфере духовной деятельности — интеллигенция.

3. Учение об особой миссии интеллигенции, занимавшее отдельное место в идеологии народничества. Акцент ставился на ее историческом долге народу: долге экономическом и долге нравственном, поскольку образованные классы развивают себя за счет труда классов необразованных. Наиболее ярко эти вопросы поставлены в работах Н. К. Михайловского и приводимой в сборнике работе В. Воронцова «Наши направления». Вместе с тем народники никогда не опускались до «махаевского» отношения к образованным классам, чем в теории или на практике грешили многие их современники-социалисты.

4. Расчет на построение в России справедливого, социалистического общества особым, отличным от Запада путем с опорой на нерастраченный «коммунистический потенциал» крестьянской общины и образованных от нее форм «народного производства», прежде всего артелей.

«Классическое» народничество выступало непосредственным преемником идей Н. Г. Чернышевского. Правда, как это всегда бывает при переходе к практической (в данном случае революционной) деятельности, значительная часть теоретического богатства взглядов основоположника российского социализма осталась у народников не востребованной. То, что у Чернышевского было частью стройной экономической теории, а именно учение о трудящихся как основном классе будущего, во взглядах его последователей преобразовалось скорее в этическое, нежели экономическое представление. Существенно огрублена была и теория общины как первичного социалистического элемента: народники видели в крестьянском «мире» чуть ли не готовую форму будущего.

Господствовавшие в конце 60 — начале 70-х гг. XIX в. народнические течения делали ставку либо на просвещение деревни и пропаганду в ней революционных идей, либо надеялись разжечь «пламя народной войны» и вслед за тем постараться внести туда элементы организации. В конце 70-х гг., после знаменитого «хождения в народ», революционное народничество отчаялось в своих попытках поднять на борьбу с самодержавием широкие народные массы. Деревня оставалась, глуха к революционным лозунгам. «Мужицкий» социализм дремал.

Последовало размежевание в среде революционеров. Часть из них отошла от народнических позиций и во главе с Г. В. Плехановым образовала первые марксистские группы. Другая часть — организация «Народная воля» — перешла к тактике массового террора против правительства, надеясь таким путем заставить правящую касту провести радикальные социально-экономические реформы «сверху».

Народничество «старой закалки» практически целиком полегло в неравной борьбе. На его место в 1880-е гг. выдвинулось новое поколение защитников трудящихся. Наиболее крупными фигурами среди них были Н. К. Михайловский, Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Южаков, В. П. Воронцов. За ними в нашем общественном сознании закрепилось имя «либеральных народников». Вернее, их можно было бы назвать «легальными».

У нового поколения народников коренным образом изменилась тактика. Не отказываясь от социалистического идеала своих предтеч, равно как и от ориентации на общинно-артельные структуры, «либеральные народники» готовили почву для его осуществления с учетом тех реальных условий, в которых оказалось русское общество при Александре III. И политика царского правительства, и настроения образованных классов, мягко говоря, не благоприятствовали социалистической пропаганде.

Правилом легальных изданий снова, как при Чернышевском, стал эзопов язык: слова

«социализм», «коммунизм», «революция», даже «реформа» надолго исчезли со страниц российских журналов. Авторы могли толковать лишь об «ассоциации», «защите труда» и уж во всяком случае не имели возможности рассуждать «о политике», о перспективах изменения существующего строя.

Отсюда — вынужденная сосредоточенность на сугубо экономической (часто даже эмпирической) стороне рассматриваемых процессов, приземленность, ограниченность посылок и выводов. Наиболее яркой иллюстрацией могут служить книги и статьи Н. Ф. Даниельсона (Николая — она) и В. П. Воронцова (В. В.). Собственно, в этот период и возникла специфическая терминология народничества, в первую очередь понятие «народного производства». «Народность», трактуемая как забота о благе всех подданных, входила в круг официальных идеологических приоритетов правящей династии («Самодержавие, православие и народность»). Поэтому, как бы ни свирепствовала цензура, публицисты могли рассуждать о народе, его нуждах и требованиях, об исторически сформировавшихся формах его труда и быта. Поскольку Россия продолжала довольно четко делиться как бы на два общества — «образованное» и «народное», то было очевидно, что под народом подразумевались трудящиеся классы.

Изменилась и экономическая ситуация: второе поколение народников не могло не признать факта наступления капитализма на российское хозяйство. Центральной проблемой стала уже не перспектива полностью миновать, «перепрыгнуть» развитие буржуазных отношений, а оценка возможностей распространения капиталистического способа производства на отечественной почве, его последствий для трудящихся классов. Соответственно изменился и метод: место абстрактных рассуждений на примерах европейского капитализма (частью заимствованных из «Капитала» и «Положения рабочего класса в Англии») занял весьма скрупулезный сбор и анализ фактов отечественной экономической жизни.

Последствия внедрения товарно-капиталистических отношений для России, по оценкам народников, были крайне деструктивны: при отсутствии гарантированных внешних рынков (ведь колонии были уже поделены между «старыми» буржуазными государствами) российский капитализм неизбежно обращался «вовнутрь» страны, решая проблемы первоначального накопления за счет усиления эксплуатации пролетаризировавшейся части трудящихся и тех, кто еще сохранял собственное хозяйство (за счет торговли и ростовщичества).

Капитализм в Россию, как считали народники, не следовало пускать, а коль скоро он просочился — надо максимально его ограничить. Средством такого ограничения

прогрессивное развитие «народного производства», наполнение его традиционных форм (сельской общины и трудовой артели) новым содержанием как со стороны производительных сил (внедрение новой техники, достижений агрономии и рост культурного уровня работников), так и со стороны производственных отношений (переход к развитым формам кооперации, способным по своей экономической эффективности соперничать с капиталистическими предприятиями).

В качестве программы-минимум предполагалось поддерживать на плаву хозяйства самостоятельных производителей даже безотносительно к их включенности в коллективные структуры. Уберечь трудящихся от «язвы пролетариата» было для экономистов-народников самоценной задачей.

Словом, речь шла не столько о наступлении, сколько об обороне от капитализма. При этом подавляющее большинство серьезных теоретиков народничества не обольщалось надеждой остановить ход событий и тем более повернуть его вспять. Реально они рассчитывали лишь на возможность смягчить последствия «внедрения капитализма» на российскую почву, отстоять самостоятельность значительной части «рабочего класса», по возможности организовав его в коллективные формы "народного производства", противостоящие капиталистическим предприятиям; Это, по мнению народников, могло приблизить перспективы будущего социалистического переустройства страны.

К кому обращались народники второго поколения со своими предостережениями и проектами? Основными адресатами были российская интеллигенция, земства, а также другие реально действовавшие в обществе и не зависимые от правительства силы. И, наконец, государство.

Именно за апеллирование к властям предрержащим (вкуче с теорией «малых дел») народники конца века были заклеены своими революционными оппонентами как «либералы».

Революция 1905 г. ознаменовала новый поворот народников к революционным методам. Уже в начале века фактически образовалась партия социалистов-революционеров, сочетавшая обновленные принципы народнической идеологии с призывами к революционным, насильственным методам их воплощения. В 1906 г. от эсеров откололась умеренная часть во главе Пешехоновым образовавшая партию «народных Социалистов» — энесов.

В теоретической деятельности народников, начиная с 1890-х гг., все большее место стала занимать полемика с теми, кто считал капиталистический путь развития России predetermined, а противодействие ему — экономической реакцией, стремлением к

консервированию отсталых социальных отношений. Наряду с апологетами капитализма (такими, как, например, великий химик и интересный экономист Д. И. Менделеев) «по ту сторону баррикад» выступали и люди, придерживающиеся социалистических убеждений — марксисты Г. Плеханов, П. Струве, М. Туган-Барановский, В. Ульянов (Ленин). Были среди них и будущие социал-демократы, и люди, отошедшие впоследствии от социализма.

Уже к середине 1890-х гг. борьба социалистов с той и другой стороны приобрела самодовлеющий характер и в значительной степени заслонила в их творчестве положительную разработку социалистической доктрины и путей движения к социализму. В большинстве приводимых в настоящем издании текстов чувствуется дыхание этой схватки.

По привычной для советского читателя трактовке этой теоретической борьбы марксисты (Ленин и Плеханов - революционные, Струве, Булгаков, Бердяев, Туган - "легальные") одержали в ней победу над субъективистами-народниками. Оставляя вопрос о победе открытым (социальную теорию можно победить, только завоевав на свою сторону основную массу ее сторонников, а этого не произошло), следует внести определенные коррективы в вопрос о «марксизме». Дело заключается в том, что обе стороны вполне искренне считали себя теоретическими наследниками Карла Маркса. Серьезные основания к этому были не только у эсдеков, но и у их оппонентов - народников. Так, знаменитый Николай — он автор «Очерков нашего пореформенного хозяйства», много лет состоял в личной переписке с Марксом, перевел «Капитал» и в силу этого долгое время считался первым российским марксистом. Народники также ссылались на собственное мнение основоположника научного социализма о принципиальной возможности для России в будущем не повторять пути западноевропейских государств, а, опираясь на поддержку победившего пролетариата этих стран осуществить социалистические преобразования, используя сохранившиеся примитивно-коммунистические институты¹.

Если народники XIX в. относились к учению Карла Маркса с уважением, но считали возможным существенно корректировать его выводы применительно к отечественной почве, то поколение народников, вышедшее на арену общественной жизни в начале XX в., было, если можно так сказать, настроено еще более «промарксистски». В.Чернов, М. Гоц, А. Пешехонов, Л. Шишко и другие крупные теоретики неонародничества открыто провозглашали марксизм основой своих теоретических взглядов.

---

¹ Наиболее известным «посланием к русским» является знаменитое письмо Маркса к Вере Засулич (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 250—251).

В чем же состоит главный водораздел между двумя теоретическими направлениями? Для социал-демократов характерен курс на обострение классовых противоречий любой ценой, в том числе "снизу" - через обнищание трудящихся. Социалисты-революционеры и еще более народные социалисты делали акцент на усиление экономических позиций трудящихся классов в обществе, обеспечение максимальной экономической стабильности их существования.

Это различие связано с тем, что выделяемый социал-демократами «единственный последовательно революционный класс» — пролетариат — в России не занимал значительного места в социальной структуре и еще не успел обрести каким-либо имуществом. Лишенный нередко даже личной собственности, класс наемных работников представлял из себя во многом маргинальную массу, которой в отличие от крестьян и других самостоятельных производителей нечего было терять «в этом мире». То, что «революционный нигилизм» отнюдь не составляет коренной черты социал-демократии, можно убедиться на примере ее дальнейшей эволюции в XX в. По мере упрочения социального и экономического положения класса наемных работников его идеология претерпела серьезные изменения в сторону «синицы в руках».

Позиция социалистов-революционеров характеризовалась Виктором Черновым как «поддерживающая отдельные тезисы марксизма, но втягивающая их в особое логическое сочетание, в котором... вопросы распределения и потребления не отодвинуты на задний план вопросами производства, но выдвинуты во всю меру их удельного веса». Снятие антагонистических производственных отношений, фетишизирующих конечные цели производства, Чернов видел в сознательном и целесообразном подчинении производства организованному общественному потреблению. Социальный строй, по Чернову, с экономической точки зрения есть не что иное, как колоссальная потребительская организация. Отсюда следовала необходимость глубокой политико-экономической разработки проблем потребления.

Эсеровские теоретики делали акцент на «потребительскую сторону» будущей единой фабрики. Это составляло, пожалуй, главное различие в их собственной и в социал-демократической трактовках экономического строя социализма.

Ряд выдвинутых Черновым и Пешехоновым положений можно признать серьезным вкладом в тот не слишком большой арсенал теории будущего общества, с которым российские революционеры пришли к своему грандиозному социальному эксперименту. К сожалению, эти, как и большинство других теоретических положений, остались на уровне методологических принципов и деклараций. Будучи втянутыми в текущую

политическую деятельность и организационную партийную работу, теоретики-революционеры не имели реальной возможности заняться углубленным анализом фактического материала.

То, что основная масса социалистов-революционеров, включая и самого Чернова, оказалась после октября «по ту сторону баррикад» не только помешало оценить их вклад в теорию социализма по достоинству, но и послужило дополнительным фактором последующего умаления сферы потребления в теории и практике советского социализма.

Экономика — интересы — этический идеал. Последний включал у народников принципы развития личности и общественной солидарности. Наиболее глубокое обоснование эти принципы получили в сочинениях П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского. Конечным критерием общественного прогресса эти ученые считали степень индивидуального развития личности, способность последней подняться до наслаждения саморазвитием. Нетрудно заметить, что данный подход перекликается с социальной философией молодого Маркса, в первую очередь с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года». Можно сказать, что гуманистические принципы раннего марксизма, оттесненные в процессе его распространения на задний план, были в центре философии русского народничества.

В меньшей степени перекликалась с классическими марксистскими постановками теория общественной солидарности как главной силы развития человечества. Базирующаяся в основном на биосоциальных аналогиях, эта теория включала противопоставление солидарности (как специфически человеческого поведения) досоциальным по своей природе индивидуализму, эгоизму и конкуренции. Теория солидарности объединяла народничество с анархо-коммунистическими течениями (прежде всего с учением П. Кропоткина о взаимной помощи).

В самом основании социально-этического подхода нет ничего, с чем нельзя согласиться. Но исходя из своих целей и интересов, из собственных представлений о справедливости, исследователю общества важно сохранять холодный рассудок. А это значит — принимать в расчет динамический потенциал не только тех сил, которые ты считаешь «праведными», прогрессивными, но и противостоящих им. Вот это условие и не сумели соблюсти сторонники «социальной этики».

Социализм, согласно народнической концепции,— это необходимая стадия общественного прогресса, потому что он реализует внутренне присущие человечеству черты коллективизма, солидарности.

Если говорить об общих представлениях народников и неонародников о «зрелом» социализме, то уловить сколько-нибудь существенные отличия от аналогичных представлений социал-демократов крайне тяжело. Характеристика социально-экономического строя будущего идеального общества у народников воспроизводила соответствующие положения работ Маркса. Различия касались тонкостей. Тем не менее эти тонкости заслуживают внимательного рассмотрения: ведь применительно к России речь идет не о «чистой» теории, а о формировании «революционного менталитета» страны, ставшей ареной практических революционных преобразований.

Некоторые исследователи выделяют в качестве решающего отличия народнических представлений о социализме от воззрения ортодоксальных марксистов упор на самостоятельность отдельных хозяйственных ячеек социалистической экономики².

Действительно, принципы «народных форм производства» органически включали самоуправление конкретных экономических единиц: сельскохозяйственной общины или артели, промышленной артели или иной формы производственной ассоциации и потребительского кооператива. Но ошибочно было бы видеть в этом отличие от марксизма или его искажение. Во взглядах Маркса на социализм мы не найдем указаний на отказ от автономии отдельных единиц хозяйства: этот вопрос просто обойден. Поэтому трактовки данного пункта его наследия уже в конце XIX в. были весьма разнообразны. Интересно отметить, что такой «жесткий» марксист, как зять Маркса Поль Лафарг, стоял в данном вопросе на точке зрения, аналогичной народнической. Более существенным в позициях народников XX в. является их стремление использовать для социалистического строительства ряд «полуфабрикатов» в виде форм «народного производства» (артели, кооперативы и даже те или иные стороны крестьянской передельной общины). Можно сравнить эту позицию с ленинской, где материальные предпосылки социализма были практически противоположны: формы крупного, обобщественного производства, пусть даже в самой «антинародной» собственности. Неонародники предпочитали, таким образом, обобществление «снизу» (не отрицая необходимости общенародной планомерности и соответствующей роли государства), социал-демократы — наоборот. Имманентной чертой «народных» экономических форм, однако, было уравнительное начало и явный распределительно-потребительский акцент (хотя теоретики эсеров не один раз предпринимали попытки доказать большую экономическую эффективность народного производства, его преимущество в области

---

² См., например: *Спирин М. В.* Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987. С. 14—15.

производительности труда, дисциплины и т. п.). Интересно, что уравнительность не воспринималась народниками как негативная сторона, свидетельствующая о незрелости коллективных форм хозяйства. Более того: в определенном смысле они поднимали ее «на щит», а уравнительное сознание, господствующее в народных массах, рассматривалось эсерами не как помеха, а как движущий элемент перехода к социализму.

Если эти «народнические» наслоения сыграли активную роль в практическом строительстве социалистической экономики, то причиной этого явилось их соответствие реальному состоянию общественного сознания в СССР в 1920—1930 гг., да и впоследствии.

Я. И. Кузьминов